УДК 334.73.01

ГОРИН Д.Г.,
ГРУШЕВСКИЙ Д.В.

Культурные и институциональные особенности кооперации в иерархических средах

В статье исследуются культурные и институциональные основания возникновения, развития и стагнации кооперативных систем в иерархических средах. На историческом материале и на материале исследований в регионах РФ рассматриваются принципы взаимодействия иерархических и кооперативных (самоорганизующихся) систем в условиях переходной экономики. Доказывается, что кооперативные системы могут быть устойчивы во времени в двух случаях: при невысокой концентрации ресурсов либо в среде социально-экономической политики, препятствующей слияниям и поглощениям (монополизации).

Ключевые слова: социальная динамика, кооперация, конкуренция, самоорганизация, иерархия, естественная иерархия, корпоративное управление, экономическая политика, институциональная среда, культура управления.

Успешные кооперативные стратегии, как известно, являются источником общественного развития, поскольку способствуют расширению радиуса доверия, укреплению горизонтальных связей, выработке и закреплению правил игры, основанных на коллегиальном принятии решений и распределении полномочий и ответственности. Однако в иерархических средах кооперация обретает специфические формы, которые в значительной степени определяют особенности социальной и культурной динамики. Доминирование иерархических структур и блокирование горизонтальных связей влечет искажение картины мира, недоверие, апатию, разобщенность социальных групп, разрушение функций контроля (обратной связи) и, как следствие, высокий уровень коррупции, неэффективное управление, инерционность социально-экономических систем, их зависимость от траектории предшествующего развития.

В целях выявления специфики возникновения и развития кооперативных систем в иерархически организованных обществах в 2005 – 2013 гг. авторами проведены эксперименты и замеры в рамках исследовательских проектов Института региональной экономики и социального проектирования (ИРЭСП)[1]. Во время тренингов для сотрудников бизнес-структур и некоммерческих организаций, проводившихся в различных регионах, группам западноевропейцев и россиян давались одинаковые задания, требующие коллегиального принятия решений (что является одним из основных видов кооперативного взаимодействия). В результате проявилась устойчивая закономерность: на принятие решения у граждан России времени уходило в несколько раз меньше, чем у европейцев. В процессе наблюдений за группами были выявлены две принципиально отличающиеся модели принятия решений.

Первая модель характерна для европейских групп. Они сначала давали возможность высказаться каждому участнику, затем дискутировали до тех пор, пока не были сняты все возникшие вопросы и возражения. В результате решение принималось единогласно с учетом мнений, поправок и уточнений каждого члена группы (в редких случаях – большинством).

Вторая модель характерна для групп российских участников. Они, как правило, в течение 10–15 минут изучали друг друга

до тех пор, пока не находился человек, готовый предложить решение. В этот момент группа сообщала о готовности. Процесс группового взаимодействия в данном случае включал выявление лидера, способного принимать решение и брать на себя ответственность, а затем – перекладывание ответственности с группы на лидера. Причем, как показывает практика, принятое таким способом решение является формальным и может быть пересмотрено при смене лидера. Лидер в случае ошибки может быть смещен группой, либо он может отстраниться от работы по собственному желанию. В ходе исследований не было выявлено случаев, чтобы действующая в данной логике группа признала коллективную ошибку и взяла бы на себя ответственность за принятое решение или за выбор не того человека в качестве лидера.

Дальнейшее сравнение двух вышеприведенных моделей позволяет сделать вывод о том, что устойчивость социальной (в т.ч. экономической) системы обусловлена способностью участников к выработке, принятию и исполнению коллегиального решения. Решение, в свою очередь, может быть кооперативным (описывается как векторная сумма в парадигме статики либо как равновесие по Нэшу[2]) или некооперативным (описывается как модель отношений «принципал – агент» с делегированием ответственности и полномочий).

В настоящей работе мы делаем допущение, что только кооперативные решения, принимаемые в процессе снятия противоречий во мнениях и интересах, переходят в разряд устойчивых практик. Выработанные кооперативно правила игры нарушаются реже, чем те, ответственность за принятие которых несет конкретное лицо или институция. В системах, работающих в логике первой модели, непредсказуемость вектора развития идеи либо системы стремится к минимуму. Следовательно, возрастает плотность и устойчивость институциональной среды, расширяется радиус доверия (люди более склонны доверять тем субъектам, поведение которых более предсказуемо).

Аналогичные выводы о предсказуемости социально-экономических систем, сложившихся как равновесные с точки зрения различных групп интересов, приводит А. Пшеворский[3], что коррелирует с наиболее распространённым в современной политологии определением демократии: непредсказуемость результата при транспарентности процедур.

В нашем случае представляет интерес логика развития кооперативных систем во второй модели, которая более приближена к описанию российской действительности. Ее анализ позволил сформулировать гипотезу относительно взаимосвязи векторов развития кооперации, разворачивающихся на микроуровне, с системой макроинтеграции российского общества. Согласно этой гипотезе, на разных этапах российской истории социальная интеграция основывалась на самоподобии смысловых и организационных структур, относящихся к разным уровням общества. Иными словами, российское общество структурировалось, условно говоря, подобно фракталу: стереотипные интегративные элементы встраивались друг в друга аналогично структуре русской матрешки: микроструктуры подстраивались под восприятие, заданное смысловыми конструкциями макроуровня, и в некоторых случаях наоборот. Оборотной стороной подобных «фрактальных» порядков является дискретность, связанная с разорванностью горизонтальных коммуникаций между подобными элементами одного уровня[4]. Связность и целостность такого порядка достигалась в основном за счет не горизонтальных, а вертикальных связей. Поэтому вертикальное властное влияние пронизывало все уровни взаимодействий, в том числе уровень локальной кооперации, который является основанием всей конструкции.

Например, в средневековой Руси локальные формы социальной интеграции, какими были вотчинные владения, становились неким прообразом для осмысления элементов более крупного масштаба общественного устройства. Вотчинная система представляла собой простое сочленение вотчин («отчин»), воспроизводя «семейную модель» отцовского господства во все более крупном масштабе, включая символическое обоснование верховной власти («отец отцов», «царь царей»). Государство в России, таким образом, изначально выстраивалось на основе идентичности с локальными патриархальными образами. Одна из показанных М.В. Ильиным

линий развития понятия «отчина» проявляется в замене его с XV – XVI вв. понятиями «отчизна» и «отечество», которые приобретают возвышенно-абстрактный смысл, сохраняя связь с традициями локального патернализма[5].

Вплоть до начала XX в. локальные коллективы крестьян и городские слои (в том числе профессиональные или территориальные группы) оставались разобщенными, и не существовало почти никаких возможностей их более широкого объединения с целью обоснования относительно общих интересов (классовых, профессиональных, территориальных и т.п.). Ш. Эйзенштадт эту особенность российского общества объясняет сложившимся способом вторжения центральной власти на периферию. «Главным механизмом, через который центр достигал своих целей, – пишет он, – было принудительное разобщение между политически властными элитами, которые были также носителями культурного порядка, особенно в его политических аспектах, различными институциональными элитами и идеологами моделей неполитического культурного порядка, с одной стороны, а с другой – экономическими и образовательными элитами и выразителями солидарности главных аскриптивных коллективов»[6]. В результате способности отдельных социальных групп обмениваться друг с другом различными видами ресурсов были заблокированы. Каждая локальная группа, таким образом, оставаясь изолированной, встраивалась в вертикальную ось социальной интеграции, воспроизводя локально-ячеистую структуру иерархического общества. Эта ось строилась по неконвенциональным принципам господства – подчинения (которые характерны для модели отношений «принципал – агент»).

Особенность России состоит также в том, что по мере исторического развития общества такая «фрактальная» структура видоизменялась, переструктурировалась, но сохраняла фундаментальные черты. В сталинский период, на который приходится пик форсированной индустриализации и урбанизации, власть позиционировала себя, опираясь на реконструированную патриархально-патерналистскую общинную модель, увеличенную до масштабов целой страны. Эта модель утрачивала адекватность по мере снижения роли поколения крестьян, переселившихся в города, и в послевоенный период была трансформирована в новую «фрактальную» модель, которая воспроизводила характерный советский «коллективизм». Советская модель «коллективизма» была так же основана на масштабной симметричности первичных коллективов, объединявшихся в более крупные, повторяя подобные черты на разных уровнях общественной иерархии вплоть до макроинтеграции «большого общества». Разветвленная система социально-политических коммуникаций пронизывала все общество, приникая в каждый локальный коллектив «капиллярами» влияния властной иерархии. Практически все трудоспособные граждане были прикреплены к локальным группам, через которые осуществлялись основные связи с обществом. Поэтому советский человек был заинтересован в поддержании согласия с коллективными нормами жизни. Создание значимых социально-политических связей вне этих структур было практически невозможным. Это обстоятельство во многом объясняет и отсутствие организованных внесистемных и оппозиционных сил (за исключением культурного андеграунда и нескольких нелегальных политических организаций, с одной стороны, и теневых кланов – с другой).

В российском обществе начала XXI в. проступают черты новой «фрактальности», которая призвана закрепить социальную ткань хорошо проверенным способом иерархического выстраивания самоподобных структур на разных уровнях социальной интеграции. Новой формой такого «фрактала» становится корпорация. В условиях огосударствленного «кланового капитализма» наблюдается характерный перенос принципов корпоративного управления в сферу государственной власти, а возможности государства используются крупнейшими российскими корпорациями для обеспечения монопольного положения на рынке[7]. Причем блокирование горизонтальных связей в процессе кооперации является существенным фактором складывающейся корпоративистской «фрактальной» структуры на различных ее уровнях и в разных социальных средах. Политическая монополия в государственном управлении

дополняется высокой концентрацией капитала в российских корпорациях. Почти в 70% из них существует акционер, имеющий более половины акций (кроме того, почти в половине российских корпораций отсутствует противовес крупному собственнику в лице держателя блокирующего пакета акций). Лишь в 13% корпораций уровень концентрации капитала остается низким и блокирующий пакет акций не сформировался[8].

Специфика российских кооперативных систем объясняется не столько культурными, сколько институциональными факторами. Значимые для страны решения и правила игры не были предметом публичных дискуссий, открытого согласования интересов действующих в политическом и социально-экономическом пространстве групп, институций и ньюсмейкеров. Поэтому характер кооперативного поведения на локальном уровне определяется необходимостью адаптации к «генеральной линии» руководства страны. Этим объясняется и тот факт, что многие российские политические партии и некоммерческие организации до сих пор создаются не по поводу общих интересов или разделяемой участниками идеологии, а по принципу объединения вокруг лидера.

Предлагаемая гипотеза, таким образом, способна объяснить стагнацию кооперативных систем в российском обществе. В условиях режима «ручного управления» слабой институциональной среды, непрозрачных и меняющихся правил игры кооперативные системы неизбежно эволюционируют от самоорганизации к организации, описываемой законом иерархических компенсаций (закон Е.А Седова), который в формулировке А. П. Назаретяна звучит так: в сложной, иерархически организованной системе рост разнообразия на верхнем уровне системы обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и, наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации[9]. Основной вывод заключается в том, что в результате усложнения управляющей подсистемы управляемость и операционная эффективность системы возрастают, адаптивность снижается. Верно и обратное утверждение.

В качестве альтернативной возможно рассматривать концепцию, в которой кооперативные системы не подстраиваются под властную иерархию, а сами создают такую иерархию в процессе самоорганизации. Наиболее логично данная концепция изложена в работах двух авторов – Р. Нефа[10] и К. Уилбера[11].

Основным понятием концепции К. Уилбера является холон (англ. holon) – нечто, одновременно являющееся самодостаточным целым и частью более сложного целого (термин введен А. Кестлером[12]). Естественную иерархию, созданную не директивно, а как результат усложнения системы в процессе ненасильственной самоорганизации холонов, К. Уилбер называет «холархией». В случае России потенциальные «холоны» сначала разобщаются, а затем интегрируются под воздействием внешнего импульса (вертикальная интеграция). Горизонтальные связи при этом практически не возникают. Слабость горизонтальных связей, в т. ч. образуемых по принципу дополнительности, – основная особенность современных российских политических и социально-экономических систем.

Этот тезис подтверждается многочисленными фактами российской политической и экономической жизни. В качестве примера рассмотрим эволюцию кредитной потребительской кооперации. Количественный рост кредитных потребительских кооперативов граждан (КПКГ) пришелся на 1999 г. Его предпосылками стали два кризиса: первый – кризис доверия граждан к централизованной банковской системе и государству, второй – кризис доверия банков к гражданам – потенциальным заемщикам. Дальнейшая история кредитной кооперации в России мало чем отличалась от мировой: борьба наиболее радикальных вкладчиков за независимость от систем, которые они не в состоянии контролировать. Задача решалась путем объединения людей и их средств на основе принципа доверия, исключающего асимметрию информации, – основного принципа классической кооперации. В результате были созданы локальные гражданские сообщества в системе централизованной экономики и жесткой банковской политики[13]. С 1998 по 2000 г. численность пайщиков КПКГ в России выросла в 8 раз, объем выданных займов – в 6 раз[14]. Дальнейший

спад деловой активности КПКГ связан с тремя факторами: свойственное российской практике усиление контроля со стороны государства; отмена такого барьера, как максимальное число пайщиков (запущен процесс поглощений); укрупнение кооперативов, которое сопровождается их отходом от классической кооперации и передачей пайщиками полномочий узкой группе менеджеров, что предопределило рост асимметрии информации и ответственности.

В 2011 г. классическая кредитная кооперация, которую можно описать в парадигме концепции естественных иерархий К. Уилбера, была, по сути, уничтожена в результате принятия Федерального закона РФ от 2 июня 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Классическая кооперация может существовать и развиваться исключительно в институциональной среде арбитра, проводящего сильную антимонопольную и налоговую политику, поддерживающего высокий уровень экономического разнообразия, препятствующего укрупнениям и поглощениям. Например, в Скандинавских странах благодаря данной политике сельскохозяйственная кооперация заняла доминирующее положение в области производства и сбыта продуктов питания. В случае с кредитной кооперацией самостоятельно принимающие решения пайщики находятся в рефлексии с самостоятельно принимающими решения КПКГ. Свобода действий более высокого уровня определяется рамками, которые определены для него низшим. В случае обратного процесса кооперативный принцип замещается иерархическим.

До 2011 г. микрофинансирование в России, организованное, как правило, в виде КПКГ, отличалось новаторством, создавало новые финансовые инструменты, экспериментировало с общепринятыми за рубежом, но ненедоступными в стране технологиями. Например, в сегменте кредитной кооперации на 2 года раньше, чем в сегменте розничного банковского кредитования, были разработаны и выведены на рынок программы автокредитования, на 3 года раньше – закладные, и более чем на 5 лет КПГК опередили банки в массовой выдаче розничных потребительских займов (кредитов) в торговых точках. До принятия Федерального закона «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» микрофинансовый и банковский секторы существовали в непересекающихся рыночных нишах. Микрофинансовые организации (МФО), имевшие преимущественно кооперативную природу, иногда размещали в банковском секторе временно свободные денежные средства; банки, в свою очередь, через кредитование МФО заходили в сектор розничного потребительского кредитования.

С принятием вышеназванного Закона стал возможен процесс акционирования кооперативных микрофинансовых организаций, их преобразования в банковские и иные лицензируемые финансовые организации и обратный процесс – преобразования банков, не отвечающих требованиям национального регулятора, в МФО, включая кредитные КПКГ. В результате локальные КПКГ и сельские потребительские кооперативы (СПК) покинули рынок либо стали региональными операторами федеральных сетевых МФО, имеющих некооперативную природу. Например, в Волгоградской области по состоянию на 31 января 2008 г. на долю КПГК и СПК приходилось 76,4 % рынка микрофинансовых услуг (по числу пользователей – пайщиков и заемщиков), а 31 января 2012 г. – только 18,4%. Классическая схема деятельности кредитных учреждений (депозит – кредит) в микрофинансовом секторе теперь неактуальна. Большинство региональных МФО кредитует домохозяйства заемными средствами нерегионального происхождения.

В результате на рынках микрофинансовых услуг в России произошел структурный сдвиг: большинство МФО потеряли операционную самостоятельность, возможность и способность привлекать паи и вклады частных лиц, став, по сути, кредитными агентами коммерческих банков и крупных сетевых МФО. В исследованных микрофинансовых организациях произошел отход от кооперативных принципов управления. Аналогичные процессы, разрушающие кооперативную природу малого и среднего бизнеса, протекают во всех секторах российской экономики.

Однако если на различных этапах российской истории вторжение иерархических

систем управления на микроуровень и создание «фрактальных» смысловых и организационных порядков позволяли относительно беспроблемно интегрировать общество, разрушая классическую кооперацию или вытесняя ее в «теневые» сферы, то теперь эффекты подобных стратегий выглядят весьма сомнительно. И не только потому, что в российском варианте иерархические структуры опираются не на доверие и стабильные правила игры, а действуют под контролем заданных извне регуляторов (которые, как было сказано выше, способны продемонстрировать успешность по критериям операционной эффективности и управляемости лишь в краткосрочной перспективе). В дифференцированном обществе с разнообразными формами локальной социальности сложно реализовывать интегративные стратегии, основанные на унификации и соподчинении разнообразных локальных структур.

Поэтому принципиальным оказывается вопрос о возможности реализации классических кооперативных стратегий в современной России. Опыт показывает, что классическая кооперация развивается медленнее, но в то же время она более устойчива и адаптивна в долгосрочной перспективе в силу относительно равномерного распределения идей, средств производства, труда и капитала. Различные формы самоорганизации локальных сообществ всегда присутствовали в российском обществе, хотя и в ослабленном виде. На протяжении столетий кооперация вытеснялась из сфер, затрагивающих интересы власти, в сферу приватных, негосударственных или даже «теневых» отношений. Поэтому свою устойчивость и эффективность кооперативные стратегии часто демонстрируют именно в этих сферах. Так, в советском обществе (особенно в последний период его существования) активно разраставшиеся «теневые» пространства были основаны на весьма сложных кооперативных эффектах («блат», «черный рынок» и т.п.). Расширение таких «теневых» пространств было неизбежным ответом на неспособность властной иерархии регулировать усложняющиеся социальные отношения.

В то же время исследования, проведенные авторами в регионах России, указывают на то, что процесс рефлексивен: стремление политических и экономических игроков к максимизации контроля согласуется с готовностью людей к передаче ответственности и полномочий на верхние уровни. Интервью с руководителями потерявших самостоятельность МФО, негосударственных пенсионных фондов, малых и средних банков, страховых компаний свидетельствуют о том, что они рассчитывали на расширение спектра возможностей без потери достигнутых доходов. Это свидетельствует о слабости в российской культуре иммунитета, способного ограничивать практики захватов, поглощений и расширения контроля сверху.

В целях оценки перспектив развития кооперативных стратегий рассмотрим результаты нашего исследования, посвященного логике принятия коллегиальных решений, полученные в 2005–2013 гг. в ряде российских регионов. Эти результаты свидетельствуют о том, что разрыв во времени принятия решения группами европейцев и россиян всегда сохранялся, но тем не менее были выявлены некоторые аномальные регионы (см. таблицу).

Таблица

Время, затраченное на выработку коллективного решения в различных регионах России

Регион / город	Санкт-Петербург	Москва	Новосибирск	Чеченская Республика	Дагестан	Ростов-на-Дону	Кабардино-Балкарская Республика	Краснодарский край	Ставропольский край	В среднем по Европе	В среднем по РФ
%	67	23	47	41	43	24	38	26	23	100	16

ПРИМЕЧАНИЕ. За 100% принято среднее время принятия коллективного решения группами участников из стран Европы (замеры производились в странах северной части Западной Европы: Голландии, Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии).

Прокомментируем некоторые из выявленных различий в способностях населения к кооперации.

Санкт-Петербург изначально формировался как город, где существенную роль играли институты коллективного и децентрализованного принятия решений. Катализаторами процесса служили диаспоры европейских переселенцев, а также российское студенчество и купечество, копирующее европейские практики. В современный период сказывается его географическая близость к Европе, способствующая диффузии европейских стереотипов и практик.

Москва (во всяком случае – прослойка столичной интеллигенции) в Российской империи старалась копировать образ жизни, характерный для северной столицы, противопоставляя его старомосковской практике восточного деспотизма, когда город формировался не как место жизнедеятельности свободных ремесленников, а как налоговый центр. Кроме того, современная Москва представляет собой переселенческое сообщество, вобравшее в себя наиболее активных и склонных к риску мигрантов, обреченных договариваться в силу близкого менталитета и происхождения.

Новосибирск представляет собой типичную переселенческую культуру (аналогичную в некотором смысле культурам США, Австралии, Сингапура), сложившуюся из ссыльных, осужденных за уголовные преступления и радикальной советской интеллигенции. Их жизненный опыт, пренебрежительное отношение к официальным иерархическим системам, а также природно-климатические условия сформировали толерантную к разнообразию и кооперации среду.

Чеченская Республика имеет многовековую тейповую структуру, сочетающую моноциональную культуру с разнообразием управленческих и культурных практик, способствующую согласованию интересов и выработке общих правил. В то же время в последнее время республика теряет навыки коллегиального принятия решений, приобретая не свойственные вайнахам практики восточной деспотии. В 2005 – 2008 гг. приведенный показатель равнялся 69 и был самым высоким в России (в 2013 г. – уже 41).

Дагестан – типичная полинациональная культура, напоминающая, например, швейцарскую. Историками, этнографами и позже социологами для обозначения объединений сельских общин полупатриархально-полуфеодального типа в Дагестане введен термин «вольные общества Дагестана». Это кланово-племенные объединения аварцев, даргинцев, лезгин и других народов, сохранявших независимость от соседних феодальных владетелей. Наиболее крупными из них были Салатау, Гумбет, Андия, Дарго и др. Главную роль в экономической и политической жизни обществ играл джаамат — общественный сход. В период Кавказской войны в 1830–50-х гг. вольные общества составили основное ядро имамата. После подавления движения Шамиля они были формально ликвидированы, но де-факто практики местного самоуправления пережили советское время и в модернизированном виде сохранились до настоящего времени.

Кабардино-Балкария – полинациональное пространство с традициями, близкими вольным обществам Дагестана.

В целом логика принятия решений в республиках российского Кавказа больше соответствовала кооперативной модели, вплоть до глубокой исламизации последних лет, которая может быть описана как процесс упорядочения и структурирования социально-экономического пространства под воздействием мощного внешнего импульса.

Механизм принятия решений в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях сформировался под влиянием культуры беглых крепостных крестьян (позже – казаков), в которой сочеталась практика принятия коллективного решения с практикой подчинения. Катализатором кооперативных процессов в регионе стали переселенческие диаспоры немцев и итальянцев, приглашенных Екатериной Великой для освоения южных земель.

Таким образом, результаты исследований позволяют сделать следующие выводы:

– склонность к кооперации определяется как экономической целесообразностью, так и культурой жителей конкретной территории;

– культурные основания принятия решений не статичны, они изменяются под воздействием экономических практик;

– развитие и стагнация кооперативных систем предопределены способностью экономически активных граждан к принятию или непринятию коллегиальных решений, что определяется культурой и региональными традициями, институциональной матрицей, отражающей стабильность и автономность правил игры;

– кооперативные системы жизнеспособны в условиях невысокой (распределенной) концентрации ресурсов, доходов и собственности либо в условиях антимонопольной и налоговой политик, препятствующих поглощениям;

– устойчивое развитие кооперативных систем возможно при условии, что их системообразующими элементами останутся бизнес-структуры, учрежденные и контролируемые не внешними субъектами (акционерами, кредиторами и инвесторами), а локальными объединениями граждан, что повысит адаптивность кооперативных систем к региональным условиям и обеспечит необходимое разнообразие организационно-правовых форм, технологий и предпринимательских практик;

– современное законодательство России способствует концентрации доходов и собственности, по мере которой происходит переход от принципов самоорганизации к принципам иерархической организации; сжатие кооперативного сектора снижает адаптивность социальных (экономических) систем к изменениям внешней среды, что, в частности, ведет к социальной и экономической стагнации.

Особенности развития кооперации в России, таким образом, объясняются не столько ментальными характеристиками и культурной инерцией, сколько необходимостью адаптации субъектов кооперации к тем силовым технологиям, которые использует властная иерархия для организации систем управления, основанных на воздействии внешних импульсов. Это ведет к вытеснению кооперации из сфер, затрагивающих ключевые интересы публичной и социально-экономической жизни регионов и местных сообществ, в целях максимизации ренты столичными и глобальными элитами.

---

[1] Первые результаты исследования см.: Грушевский Д.В. О вертикали, которая живет в головах // Общая тетрадь: Вестник Московской школы политических исследований. 2008. № 3–4. С. 86 – 91.

[2] См.: Nash J. Non-Cooperative Games // The Annals of Mathematics. Second Series. 1951 (Sep.). Vol. 54. No. 2. P. 286–295.

[3] См.: Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОСПЭН, 1999. С. 73.

[4] См.: Горин Д.Г. Производство смысла и коды социального опыта в России. М.: Либроком, 2011. С. 101–133, 288–301.

[5] См.: Ильин М.В. Хронополитическое измерение за пределами повседневности и истории // Полис. 1996. № 1. С. 71; Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОСПЭН, 1997. С. 289–290, 292.

[6] См.: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. Пер. с англ. М.: Асект Пресс, 1999. С. 174.

[7] См., напр.: Иноземцев В.Л. Корпорация «Россия»: желательна ли такая перспектива и насколько она возможна? // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2006. № 4/5 (048/049); Кагарлицкий Б.Ю. Корпоративная утопия Владимира Путина // Там же.

[8] См.: Российские корпорации: внутренняя организация, внешние взаимодействия, перспективы развития / Под ред. Т.Г. Долгопятовой, И. Ивасаки, А.А. Яковлева. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 30–31.

[9] См.: Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М.: Мир, 2004. С. 225.

[10] См.: Неф Р. Да здравствует нонцентрализм! М.: Фонд Фридриха Науманна, 2002.

[11] См.: Wilber K. A Brief History of Everything. Boston: Shambala, 2007.

[12] См.: Koestler A. The Grost in the Machine. London: Hutchinson, 1969.

[13] См.: День независимости. Кредитная кооперация как модель локальной демократии // Деловое Поволжье. 2004. Октябрь. № 40.

[14] См.: Грушевский Д.В. К вопросу о моделировании кооперативных связей // Міжнародний кооперативний рух: історичний досвід і сучасна практика: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Полтава: РВВ ПУСКУ, 2010. С. 21 – 24.